

Теория дрона

Грегуар Шамаю

Грегуар Шамаю Теория дрона

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51820462
Теория дрона / Грегуар Шамаю: Ад Маргинем Пресс, Музей
современного искусства «Гараж»; Москва; 2020
ISBN 978-5-91103-519-8*

Аннотация

Применение военных дронов во время боевых действий запустило общественную дискуссию о правовых и этических вопросах. Американская военная стратегия не обсуждалась так широко со времен дебатов о ядерной войне.

Можно ли по-прежнему говорить о войне, когда риск не является взаимным и целые группы людей рассматриваются как потенциальные мишени, перед тем как стать мишенями легитимными?

На наших глазах трансформируются законы войны, которые долгое время определяли военный конфликт как прямое столкновение между солдатами.

Содержание

Прелюдия	6
Введение	19
I. Техники и тактики	35
Методологии враждебного окружения	35
Генеалогия предатора	44
Теоретические принципы охоты на человека	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Грегуар Шамаю

Теория дрона

GRÉGOIRE CHAMAYOU
THÉORIE DU DRONE

LA FABRIQUE ÉDITIONS

Данное издание осуществлено в рамках совместной издательской программы Музея современного искусства «Гараж» и ООО «Ад Маргинем Пресс»

Издание осуществлено в рамках Программ содействия издательскому делу при поддержке Французского института

Cet ouvrage a bénéficié du soutien des Programmes d'aide à la publication de l'Institut français

Перевод: Евгений Блинов

Предприняв все усилия, чтобы найти и упомянуть правообладателей фотоматериалов, использованных в этой книге, автор и издатели приносят извинения за любые упущения или ошибки, которые будут по возможности исправлены в следующих изданиях.

© La Fabrique Editions, 2013

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2020

© Фонд развития и поддержки искусства «АЙРИС» / IRIS
Foundation, 2020

Прелюдия

В ту ночь, незадолго до рассвета, что вскоре поднимется над афганскими горами, они заметили необычное поведение на земле.

«— Ты можешь немного увеличить, типа оценить обстановку?

— Как минимум четверо за пикапом.

— И этот парень, по стрелке на север, по-моему, он что-то прижимает к груди.

— Ага, на уровне груди какое-то холодное пятно.

— Они все время так делают: прячут свое долбаное оружие под одеждой, чтобы мы не могли его положительно идентифицировать».

Пилот и оператор изучают обстановку по монитору. На них униформа цвета хаки с нашивкой на рукаве: сова с распахнутыми крыльями на красном фоне с молниями, сверкающими в когтях. Они восседают рядом в креслах из искусственной кожи, с наушниками на голове. Повсюду светящиеся лампочки.

Но место не похоже на обычный кокпит.

Слежка проходит за тысячи километров отсюда. Изображения машин, полученные в Афганистане, спутник передает

на базу Крич, неподалеку от Индиан-Спрингс в Неваде.

В пятидесятые годы именно здесь проходили американские ядерные испытания. Тогда из Лас-Вегаса можно было увидеть поднимавшийся в небо ядерный гриб. Сегодня автомобилисты, путешествующие по 95-й трассе, регулярно могут наблюдать в небе совсем иные силуэты: продолговатой формы с массивной головой, что-то вроде белого и слепого червя огромных размеров.

База Крич – колыбель флота дронов ВВС США. Военные называют его «охотничьим домом» – «the home of the hunters». Антивоенная организация «Code Pink» описывает ее скорее как место, где царит «недоверие, сумятица и уныние»¹.

Это невероятно нудная работа. Целыми ночами уминать «Доритос» и «Эмэндэмс» перед монитором и постоянно наблюдать за одними и теми же видами пустыни на другом краю света в ожидании какого-нибудь происшествия: «месяцы однообразия ради заварушки длиной в несколько миллисекунд»².

Завтра утром другой «экипаж» примет на себя командование аппаратом. Пилот и оператор бортовой аппаратуры обнаружения сядут за руль своих джипов и через сорок пять минут вернутся к жене и детям в тихий одноэтажный пригород Лас-Вегаса.

Пассажиры трех машин, которые несколько часов назад выехали из провинции Дайкунди, не знают, что за ними до-

вольно давно следят десятки объективов. Среди этих невидимых зрителей пилот и «оператор бортовой аппаратуры обнаружения», а также «координатор миссии», «агент безопасности», группа аналитиков, изучающих видео, и один «командующий наземными силами», который в конце должен дать зеленый свет для воздушного удара. Эта сеть различных глаз пребывает в постоянном контакте, они говорят друг с другом, и, как обычно, их беседа от 20 февраля 2010 года записывается.

00:45 по Гринвичу – 5 ч 15 мин. по Афганскому времени.

ПИЛОТ: Это что, долбаная винтовка?

ОПЕРАТОР: Возможно, просто горячее пятно в том месте, где он сидел, не могу сказать точно, но действительно похоже на объект.

ПИЛОТ: Я думал, мы сможем отличить оружие, ну да ладно.

01:05

ОПЕРАТОР: Этот грузовик будет отличной мишенью. Это джип «Шевроле». Chevy Suburban.

ПИЛОТ: Ага.

ОПЕРАТОР: Ага.

01:07

КООРДИНАТОР: Скринер показывает как минимум од-

ного ребенка рядом с джипом.

ОПЕРАТОР: Вот же мать его... где он?

ОПЕРАТОР: Пошли мне этот долбанный снимок, но я не думаю, что в это время тут могут быть дети, они, конечно, психи, но не настолько же.

ОПЕРАТОР: Возможно, подросток, я не вижу никаких мелких объектов, они снова собрались в группу.

КООРДИНАТОР: Они сейчас проверяют.

ПИЛОТ: Ага, они проверяют эту хрень. Почему он тогда говорит: «вероятно, ребенок»? Почему они все время должны говорить о долбанных детях, а не о долбаном оружии?

КООРДИНАТОР: Два ребенка за джипом.

01:47

КООРДИНАТОР: Похоже на коврики. Они только что помолились, у них было...

ПИЛОТ: Джек 25, Кирк 97, все правильно посчитали? Или еще нет?

ОПЕРАТОР: Они все молятся и молятся.

01:48

ОПЕРАТОР: Так это и есть их оружие? Молитва? Нет, я серьезно, они только этим и занимаются.

КООРДИНАТОР: Они явно что-то задумали.

01:50

КООРДИНАТОР: Подросток рядом с джипом.

ОПЕРАТОР: Ну да, подростки, они вполне могут сражаться.

КООРДИНАТОР: Взял оружие – ты комбатант, так это работает.

01:52

ОПЕРАТОР: Один парень до сих пор молится за грузовиком.

ПИЛОТ: Джек 25, Кирк 97, все субъекты заканчивают молитву и собираются около трех машин.

ОПЕРАТОР: О, прекрасная мишень. Я попробую зайти сзади, чтобы сразу в яблочко.

КООРДИНАТОР: О, будет круто.

02:41

ОПЕРАТОР: Шеф, ничего если я быстро отойду в туалет?

ПИЛОТ: Да, конечно, сынок.

03:17

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Ну что, мужики, какие планы?

ПИЛОТ: Пока не знаю, надеюсь, нам разрешат разнести грузовик со всей этой братвой.

ОПЕРАТОР: Ага.

(У дрона Predator осталась всего одна ракета – этого недостаточно для поражения трех машин, приказ выдвигать)

нуться на атакующую позицию отдается двум вертолетам Kiowa под кодовым именем «Бам 41». План утвержден: первыми открывают огонь вертолеты, а дрон завершает работу, нанося удар ракетой Hellfire по выжившим.)

03:48

КОМАНДИР (обращаясь к пилоту дрона по поводу вертолетов):... По приказу командира наземных сил мы можем их вызвать, уничтожить цели и использовать ваш Hellfire для контрольного выстрела.

ПИЛОТ: Кирк 97, вас понял, для начала неплохо.

04:01

ОПЕРАТОР: Оператор готов, начинаем вечеринку!

...

ОПЕРАТОР: Знаешь что, мы могли иметь здесь весь флот «Предов»¹.

ПИЛОТ: Было бы здорово, чувак.

ПИЛОТ: Смотри, чувак, возможно, нам придется преследовать этих парней, когда они разбегутся во все стороны. Когда будем снижаться, не заикливайся на мне или Ягуаре, следи за кем хочешь. Веди то, во что точно можешь попасть. Я буду с тобой во время удара. Я тебе отчитаюсь по характе-

¹ Сокр. «Хищник» (англ.). – Примеч. пер. Здесь и далее звездочками отмечены примечания переводчика.

ристикам цели, устроим брифинг по атаке, как только будем знать, куда стреляем.

04:11

ВЕРТОЛЕТЪЕ Кирк 97, это Бам 41, слышу вас отлично.

ПИЛОТ: Ок, Бам 41, это Кирк 97, слышу вас отлично.

Я правильно понял, вы преследуете наши три машины, вам их обозначить или вы их видите?

ВЕРТОЛЕТЫ: Для 41-го, они на юг от обозначенной зоны, белый Highlander, за ним два джипа.

ПИЛОТ: Кирк 97, вас понял. Это ваши три машины. Примерно 21 мужчина боеспособного возраста. Идентифицированы как минимум три винтовки в группе. Да, это три ваших цели.

...

ПИЛОТ: Классный выстрел!

ОПЕРАТОР: О, круто!

...

ВЕРТОЛЕТЫ (*неразборчиво*):...оружие и перехват сигналов для тактического маневра. Стоп. Хм, убедимся, что нам дают зеленый свет на вмешательство.

ПИЛОТ: Ок, есть зеленый свет на вмешательство, тип три.

Я тоже поверну наши ракеты.

04:16

ОПЕРАТОР: Роджер. Да, черт... понеслась!
(Вертолеты стреляют по конвою.)

...

ОПЕРАТОР: Я слежу за другим чуваком. Они его доставили? Ага.

ПИЛОТ: Они накрыли первую и последнюю.
Они еще вернутся.

04:17

КООРДИНАТОР: Хотите перейти на другую частоту?

ПИЛОТ: Я пробовал, никто мне не отвечает.

ОПЕРАТОР: По-моему, они сдаются.

ОПЕРАТОР: Они не бегут.

04:18

ОПЕРАТОР: Что этот чувак там разлегся? Они не бегут.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Мужики, тут что-то не так. ОПЕРАТОР: Они просто уходят.

...

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Хотите посмотреть, остался ли кто-то сзади?

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Да... (Неразборчиво.)

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Рядом с третьим остовом...

ОПЕРАТОР: Их несколько, два или три.

ОПЕРАТОР: Похоже, они расслабились.

ПИЛОТ: Увеличь для меня тут на секундочку. Третью, вот здесь.

ОПЕРАТОР: Третью?

ПИЛОТ: Ага. Они ее разнесли? Так ведь?

ОПЕРАТОР: Так, так, ага.

ОПЕРАТОР: Нет, не разнесли.

ПИЛОТ: Нет.

ОПЕРАТОР: Нет, они прямо здесь.

ПИЛОТ: Но эта тачка не выглядит целой.

ОПЕРАТОР: Они ее задели. Вы... *(Неразборчиво.)*

Эти чуваки просто... *(Ракета поражает машину в центре.)*

НЕИЗВЕСТНЫЙ: Ах ты!

ПИЛОТ: Вот же нахрен!

04:22

ОПЕРАТОР: Произведите положительную идентификацию оружия, я ничего не вижу.

ОПЕРАТОР: Я вижу, у того, что справа, что-то блеснит.

ОПЕРАТОР: Подтверждаю...

ОПЕРАТОР: Это странно...

ПИЛОТ: Понятия не имею, что они там, черт возьми, делают.

ОПЕРАТОР: Наверное, задаются вопросом, что с ними только что произошло.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Есть еще один, на экране слева.

ОПЕРАТОР: Ага, я вижу.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Они одеты в паранджу?

ОПЕРАТОР: Похоже на то.

ПИЛОТ: Но мы их всех идентифицировали как мужчин. В группе не было женщин.

ОПЕРАТОР: Похоже, один чувак носит украшения, как девочка, но это не девочка. Не, это не девочка точно, слишком он здоровый для девочки.

04:32

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Один из этих парней сверху начал движение.

ОПЕРАТОР: Ага, вижу. По-моему, я только что видел его движение, но теперь я его не вижу...

Он двигается или у него конвульсии?

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Так, я думаю, он все же двигался. Немного, но

ОПЕРАТОР: Я не могу следить сразу за двумя.

КООРДИНАТОР: Один из мужиков присел.

ОПЕРАТОР (*обращаясь к человеку на земле*):

С чем ты там играешь?

КООРДИНАТОР: Со своей костью.

04:33

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Вот блин. Ага, я вижу кровь там, рядом с..

КОординАТОР: Ага, я заметил.

04:36

КОординАТОР: Их там двое. Один парень поддерживает другого?

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Похоже на то.

ОПЕРАТОР: Ага, похоже.

КОординАТОР: Первая помощь спешит.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Я забыл, что делается в таких случаях, когда из раны выпадают кишки.

ОПЕРАТОР: Главное, не запихивать их обратно.

Их нужно обернуть полотенцем. Обычно помогает.

04:38

ПИЛОТ: Вот блин, они хотят сдаться, разве нет? Похоже.

ОПЕРАТОР: Ага, я думаю, они сдаются.

04:40

ОПЕРАТОР: Это кто там вообще? Они были в средней машине.

КОординАТОР: Женщины и дети.

ОПЕРАТОР: Это похоже на ребенка.

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Ага, это он поднимает флаг.

04:42

НАБЛЮДАТЕЛЬ: Я ему скажу, что они пытаются под-
нять свой...

ОПЕРАТОР: Ага, теперь я бы... я бы в них стрелять не
стал. НАБЛЮДАТЕЛЬ: Нет³.

* * *

1 Nancy Mancias, “Creech Air Force Base: A Place of Disbelief, Confusion and Sadness”, PINKTank, November 30, 2009, codepink.org/blog/2009/11/creech-air-force-base-a-place-of-disbelief-confusion-sadness.

2 См.: Gerald Krueger and Peter Hancock, *Hours of Boredom, Moments of Terror: Temporal Desynchrony in Military and Security Force Operations*. Washington, DC, National Defense University, 2010.

3 Все процитированные переговоры являются официальными стенограммами, полученными Дэвидом С. Клаудом, журналистом Los Angeles Times, в соответствии с «Freedom information Act» [Законом о свободе информации (*англ.*). – *Примеч. пер.*]. Здесь приведены только выдержки.

Все документы перед обнародованием были подвергнуты цензуре. Полный файл см.: documents.latimes.com/transcript-of-drone-attack (accessed April 25, 2011). Для понимания контекста см. статью Дэвида С. Клауда: “Anatomy of an

Afghan War Tragedy”, Los Angeles Times, April 10, 2011.

Введение

Официальная лексика американской армии определяет дрон как «наземное, морское или авиационное передвижное устройство, управляемое на расстоянии в автоматическом режиме»⁴. Популяция дронов не ограничивается летающими объектами.

Их разновидностей может быть столько же, сколько родов войск: наземные дроны, морские дроны, подводные дроны и даже дроны подземные, которые воображение рисует в виде огромных механических кротов. Всякое передвижное устройство, всякий управляемый механизм можно подвергнуть «дронизации» начиная с того момента, как на его борту больше нет человеческого экипажа.

Дрон можно контролировать или дистанционно при помощи операторов-людей – по принципу дистанционного управления⁵, или автономным способом при помощи роботизированных устройств – по принципу автоматического пилотирования. На практике в дронах сочетаются эти способы управления. Армии пока не располагают вступившими в строй «автономными летальными роботами», даже если, как мы увидим в дальнейшем, существуют достаточно продвинутые проекты подобного рода.

«Дрон» – слово профанного языка. Армейский жар-

гон прибегает к другой терминологии. Они говорят, скорее, о «воздушном транспортном средстве без экипажа» (Unmanned Aerial Vehicle, UAV) или «боевом воздушном транспортном средстве без экипажа» (Unmanned Combat Air Vehicle), в зависимости от того, оснащен механизм оружием или нет.

Эта книга посвящена боевым летающим дронам, которые в настоящее время используются для нанесения ударов, что регулярно находит отклик в прессе. Дронам, которые называют «охотниками-убийцами». Это история глаза, ставшего оружием: «Мы перешли от использования БПЛА, изначально выполнявших задачи разведки, наблюдения и опознания... к настоящему функционалу “охотника-убийцы” вместе с Reaper», то есть «смерти с косой», – название, добавляет этот генерал ВВС, «хорошо передающее смертоносную сущность этой новой системы вооружений»⁶. Несомненно, лучшее определение этих механизмов, предназначенных для наблюдения с воздуха и превратившихся в машины для убийства, звучит так: «Летающие портативные камеры высокого разрешения, оснащенные ракетами»⁷.

Офицер ВВС Дэвид Дептула определил их основную стратегическую максиму: «Настоящим преимуществом этих беспилотных летательных аппаратов является то, что они позволяют *проецировать власть, не проецируя уязвимости*»⁸. Выражение «проецировать власть» в данном случае следует по-

нимать как использование военной силы за пределами собственных границ. Это вопрос иностранного военного вторжения, стоящий перед имперской властью: как при помощи силы влиять из центра на остальной мир, который служит его периферией? На протяжении длительного времени в истории военных империй «проецирование власти» было синонимом «отправки войск».

Но именно это уравнение сегодня подлежит пересмотру. Сохранение при помощи дрона состоит в удалении уязвимого тела, которое помещается вне досягаемости. В нем мы видим исполнение давней мечты, которой вдохновляется история баллистического оружия: увеличить расстояние настолько, чтобы достать противника до того, как он будет в состоянии это сделать в отношении нас⁹. Но особенность дрона заключается в том, что он играет на другом участке пространства. Между гашеткой, на которой лежит палец, и орудием, из которого будет выпущен снаряд, теперь тысячи километров. К расстоянию *досягаемости* – или расстоянию между оружием и мишенью – добавляется *дистанционное управление* – расстояние между оператором и его оружием.

Но «проекция власти» – это также эвфемизм, который означает причинение боли, убийство и разрушение. Прodelывать все это нужно не «проецируя уязвимости», а это подразумевает, что только уязвимость противника будет подвержена опасности вооруженного насилия и превратится в

обычную мишень.

За этой смягчающей военной риторикой на самом деле скрывается утверждение, которое расшифровывает Элейн Скерри: «Изначальное определение, которое как будто противопоставляет наличие ранений их отсутствию, на самом деле скрывает подмену: заменить двустороннюю возможность наносить ранения на одностороннюю»¹⁰. Развивая и усиливая уже существующие тенденции, боевой дрон позволяет устранить одно ограничение: для того, кто использует подобное оружие, становится априори невозможно умереть, убивая кого-то. Война, какой бы асимметричной она ни была раньше, становится абсолютно односторонней. То, что ранее казалось войной, превращается в кампанию по истреблению.

Именно США сегодня используют это оружие по его прямому назначению. Поэтому большинство заимствованных мной примеров и фактов относится к этой стране.

Вооруженные силы США располагают к моменту написания этой книги более чем шестью тысячами дронов разных моделей, в том числе ста шестьюдесятью дронами Predator, которые находятся в распоряжении командования ВВС¹¹. Для военных, как и для ЦРУ, использование дронов охотников-убийц стало настолько привычным на протяжении последних десяти лет, что превратилось в рутину. Эти аппараты применяются в зонах военных конфликтов, таких как Афганистан, но также и в странах, которые официально находятся в состоянии мира, таких как Сомали, Йемен и осо-

бенно Пакистан, где дроны ЦРУ наносят в среднем один удар в четыре дня¹². Точные цифры установить крайне сложно, но только для этой страны цифра убитых колеблется от 2640 до 3474 человек между 2004 и 2012 годом¹³.

Этот вид оружия развивался невероятно быстро: количество патрулей американскими дронами увеличилось на 1200 % между 2005 и 2011 годом¹⁴. В США сегодня готовят больше пилотов дронов, чем пилотов истребителей и бомбардировщиков вместе взятых¹⁵. Хотя оборонный бюджет в 2013 году уменьшился вследствие сокращений во многих секторах, объем средств, выделенных на создание боевых беспилотных систем, вырос на 30 %¹⁶. Этот стремительный рост является наглядной иллюстрацией стратегического проекта дронизации в средней перспективе большинства подразделений американских вооруженных сил¹⁷.

Дрон стал одним из символов президентства Обамы, инструментом его негласной антитеррористической доктрины – «убивать вместо того, чтобы брать в плен»¹⁸, выборочное убийство при помощи дрона Predator вместо пыток Гуантанамо.

Это оружие и сопутствующая ему политика постоянно обсуждаются в американской прессе. Появились движения активистов, выступающих против дронов¹⁹. ООН открыла расследование практики использования американских боевых

дронов²⁰. Если использовать избитое выражение, речь идет о животрепещущем политическом вопросе.

Цель этой книги – сделать дрон предметом философского исследования. В этом отношении я следую напутствию Кангилема: «Философия – разновидность мышления, которому идет на пользу обращение к любому чуждому материалу, и мы охотно согласимся с тем, что всякий подходящий материал является для нее чуждым»²¹.

Если дрон вписывается в эту концепцию, то именно потому, что он является «неопознанным летающим объектом»: как только мы начинаем мыслить в уже устоявшихся категориях, нас внезапно охватывает растерянность, которая тут же распространяется на столь элементарные понятия, как зона или место (как географические или онтологические категории), добродетель и храбрость (как категории этики), войны и конфликты (как категории одновременно стратегические и юридико-политические). Я хочу прежде всего составить отчет об этих кризисах понимания, заново описав те противоречия, которые они выражают. В их основе лежит устранение всякого отношения взаимности, к которому уже давно подбирались, но теперь осуществили самым радикальным образом. Это будет первым или аналитическим измерением этой «теории дрона». Но что, помимо подобной формулы, может включать в себя теория того или иного оружия? В чем может состоять подобный проект?

Моей путеводной нитью будет рассуждение философа

Симоны Вейль. «Самым ущербным способом» анализировать феномены вооруженного насилия, предупреждала она еще в тридцатые годы, «будет их рассмотрение с точки зрения преследуемых целей, а не используемых методов»²². Напротив, «материалистический метод состоит прежде всего в анализе любого совершаемого человеком действия, принимая при этом в расчет не столько преследуемые цели, сколько неизбежные последствия использованных средств и само их взаимодействие»²³. Вместо того чтобы второпях искать первые попавшиеся оправдания, или, иначе говоря, вместо морализаторства, она советовала нечто другое: начать с разбора самого механизма насилия. Осмотреть оружие, изучить его особенности. В некотором смысле стать *техником*. Но только в некотором смысле, потому что предметом исследования в куда большей степени является политическое, а не техническое знание. Важно не столько функционирование средства само по себе, сколько основанное на его особых свойствах понимание того, каким образом оно будет применено для определенного действия, средством которого является. Идея заключается в том, что средства являются обязывающими и каждая разновидность средств связана со взаимодействием определенных обязательств. Они не просто используются для действия, они определяют тот способ действия, который нужно исследовать. Вместо того чтобы спрашивать, оправдывает ли цель средства, стоит задаться вопросом, что именно навязывает определенный вы-

бор средств. Отдать предпочтение анализу вооружений, одновременно техническому и политическому, по сравнению с попытками морального оправдания вооруженного насилия.

Вот в чем может заключаться теория определенного оружия: определить, что подразумевает владение им, попытаться понять, какой эффект оно производит на тех, кто его использует.

Как на врага, который является его мишенью, так и на сами отношения между ним и тем, кто это оружие применяет. Поэтому главным вопросом будет следующий: какое воздействие оказывает дрон на саму военную обстановку?

Что он привносит в отношение к врагу, а также в отношение государства к своим гражданам? Это разнообразные процессы, которые имеют весьма серьезные последствия. Пока их можно набросать в виде динамических зарисовок, не выдавая за конечный результат. «Показать механизм вооруженного противостояния», то есть провести стратегический анализ «социальных отношений, которые оно вызывает»²⁴, – такова будет *in fine*² программа критической теории вооружений.

Но заниматься этим, то есть изучать *отношения обусловленности*, не значит отказываться от анализа *интенциональности*, то есть попытки описания стратегических проектов, которые определяют выбор определенных техник, и в то же самое время понимания того, как сам выбор предпопре-

² В конце (*лат.*).

деляется этими техниками. Вопреки тому, что утверждает упрощенный дуализм, концептуально противопоставляющий техническую обусловленность и стратегическую интенциональность, механизм и целеполагание, они вполне совместимы на практике.

Они могут сочетаться самым гармоничным образом. Самый надежный способ обеспечить постоянство стратегического выбора – высказаться в пользу определенных средств его реализации настолько однозначно, чтобы эти средства стали единственно возможными на практике.

Стоит также отметить, что в пользу общей неопределенности, которая создает ситуацию искусственно вызванного кризиса, говорят окутанные туманом войны большие интеллектуальные маневры на подготовительной стадии и хитро-сплетения семантических переворотов. Запускается целый комплекс мер по теоретическому мозговому штурму, чтобы получить, вывернув их наизнанку и определив заново, новые концепты, которые позволят определить и осмыслить практику легитимного насилия. Философия более чем когда-либо становится полем битвы. Мы должны принять этот бой. Я вполне осознанно делаю свой тезис полемическим: помимо разбора возможных аналитических подходов, цель этой книги состоит в том, чтобы дать дискурсивные инструменты тем, кто хочет бороться с политикой, средством которой является дрон.

Я начну с простого вопроса: откуда вообще взялся дрон? Какова его техническая и тактическая генеалогия? Исходя из этого – каковы его основные характеристики?

Это оружие развивает и производит радикализацию уже существующих способов дистанционной войны, приводя к тому, что сам бой практически исчезает. А это приводит к глубокому кризису самого понятия войны. Главная проблема в следующем: если «война при помощи дронов» больше не является собственно войной, то какому «режиму насилия»²⁵ она соответствует?

Эта попытка искоренения всякой взаимности в том, что касается риска быть подверженным насилию в ходе конфликта, изменяет не только материальное обеспечение вооруженного насилия с технической, тактической и психологической точек зрения, но и традиционные принципы военного этоса, который всегда был официально основан на отваге и духе самопожертвования. Если рассуждать в традиционных категориях, то дрон покажется нам оружием трусов.

Что не мешает его сторонникам провозглашать дрон самым этичным видом оружия из всех когда-либо изобретенных человечеством. Осуществить это нравственное преобразование, эту переоценку ценностей должны философы, работающие в довольно узкой сфере военной этики. Дрон, говорят они, – это *гуманное* оружие по определению. Их дискурсивные практики крайне важны для обеспечения социальной и политической приемлемости этого оружия. В

этих дискурсах легитимации определенные «элементы языка» продавцов оружия и официальных спикеров вооруженных сил подвергаются обработке незамысловатой дискурсивной алхимией, которая задает направление этической философии нового типа – «некроэтики», критический разбор которой срочно необходим.

Но наступление разворачивается и в области теории права, в первую очередь именно в ней. «Война без риска», наиболее совершенным орудием которой, вне всякого сомнения, является дрон, вызывает кризис базовых метаюридических принципов права на убийство во время войны. На фоне этой фундаментальной дестабилизации формируются проекты нового определения суверенного права на жизнь и смерть. Речь идет о создании права на «целевое убийство», которое на практике равнозначно полному пересмотру права военных конфликтов.

Но это еще не все. Изобретя боевой дрон, мы также, практически не догадываясь об этом, совершили другое открытие, а именно разрешили противоречие, которое на протяжении веков было в центре политического суверенитета модерна в его военном измерении. Распространение подобного оружия неизбежно подразумевает изменение условий применения военной силы, а также отношения государства к своим гражданам. Было бы неправильно сводить проблему вооружений исключительно к насилию, обращенному вовне. Что значит для населения стать подвластным Госу-

4 Department of Defense, Dictionary of Military and Associated Terms, Joint Publication 1-02, August 2011, 109.

5 Начиная с семидесятых годов подобный дрон называется «remotely piloted vehicle» (RPV) – дистанционно пилотируемым устройством.

6 Генерал Т. Майкл Мозли, цитируется по: *Tyler Wall and Torin Monahan*, “Surveillance and Violence from Afar: The Politics of Drones and Liminal Security-scapes”, *Theoretical Criminology* 15, no. 3 (2011): 242.

7 Выражение принадлежит Майку Макконелу, главе американской разведки, цитируется по: *Bob Woodward*, *Obama’s Wars*. New York, Simon & Schuster, 2010, p. 6.

8 Дэвид Дептула в программе CNN “The Use of Drones in Afghanistan”, трансляция от 24 ноября 2009.

Позднее в интервью он это повторит: «Подобное дистанционное вмешательство позволит нам оставаться дома, расширив при этом сферу своего влияния на весь земной шар. Другими словами, подобная система позволяет проецировать возможности, не проецируя уязвимости». *Force Intelligence, Surveillance and Reconnaissance: Remarks Given at the Air Force Defense Strategy Seminar, US Air Force Headquarters*, Washington, DC, April 27, 2007.

9 Предназначением подобной техники является создание «не подверженной риску власти» или, скорее, обеспечение для этой власти условий развертывания, гарантирующего, что уязвимость ее агентов не будет подвержена риску. До того, как оно стало использоваться для описания дрона стратегами ВВС, данное выражение употреблялось в более общем смысле для описания преимуществ «удаленной войны», которая представлялась развитием исторической тенденции приоритета дальнобойного оружия: «Анализ продолжительного тренда, от дубины к копыю, луку и стрелам, катапульте, мушкету, ружью и так далее, свидетельствует о весьма специфической мотивации. Все хотят иметь возможность поразить противника с достаточного расстояния, чтобы самим уклониться от удара. Другими словами, имеется специфическое и вполне рациональное желание проецировать свое влияние достаточно далеко, не проецируя уязвимости в том же диапазоне. Этот продолжительный военный тренд к проецированию удаленного влияния без проецирования уязвимости способствовал развитию аэрокосмического потенциала на основе современных технологий. Прогресс в скорости, дальнобойности, маневренности дополняется значительным увеличением гибкости, продолжительности и информированности, которые позволяют осуществлять широкое использование третьего измерения в военных целях. Все эти возможности воплощены в аэрокосмической мощи». *Charles D. Link, "Maturing Aerospace Power", Air and Space*

Power Journal, September 4, 2001.

10 *Elaine Scarry*, *The Body in Pain: The Making and Unmaking of the World*. New York, Oxford University Press, 1985, p. 78.

11 Department of Defense, Report to Congress on Future Unmanned Aircraft Systems, April 2012, www.fas.org/irp/program/collect/uas-future.pdf

12 *Chris Woods*, “Drone Strikes Rise to One Every Four Days”, Bureau of Investigative Journalism, July 18, 2011, www.thebureauinvestigates.com/2011/07/18/us-drone-strikes-rise-from-one-a-year-to-one-every-four-days

13 “Obama 2013 Pakistan Drone Strikes”, Bureau of Investigative Journalism, January 3, 2013, www.thebureauinvestigates.com/2013/01/03/obama-2013-pakistan-drone-strikes

14 “Flight of the Drones: Why the Future of Air Power Belongs to Unmanned Systems”, *The Economist*, October 8, 2011.

15 *Elisabeth Bumiller*, “A Day Job Waiting for a Kill Shot a World Away”, *New York Times*, July 29, 2012. Между 2013 и 2015 годом ВВС США потребуется более двух тысяч пилотов дронов для осуществления вооруженных патрулей по всему миру.

16 *John Moe*, “Drone Program Grows While Military Shrinks”, *Marketplace Tech Report*, January 27, 2012.

17 Стоит отметить, что ближайшей перспективой являет-

ся не столько замена обычных машин на дроны, сколько сочетание различных «режимов войны», в которых дроны занимают видное место. Стоит также отметить, что эта тенденция не является необратимой. Будущее не уже присутствует; оно играет роль в настоящем, а это не одно и то же. Что не совсем согласуется с фаталистическим и телеологическим представлением об этом феномене, которое могло бы прийти по душе тому же Питеру Уоррену Сингеру. Так он пишет о технических и бюджетных ограничениях дронов: «История свидетельствует, что они не могут предотвратить наступление будущего. Они могут только отложить момент, когда мы к нему приспособимся». *Peter W. Singer, "U-turn: Unmanned Systems Could Be Casualties of Budget Pressures", Armed Forces Journal, June 9, 2011.* Однако история XX века говорит об обратном: а именно о большем количестве нереализованных проектов.

18 См.: *Jo Becker and Scott Shane, "Secret 'Kill List' Proves a Test of Obama's Principles and Will", New York Times, May 29, 2012.* See also Steve Coll, "Kill or Capture", *New Yorker*, August 2, 2012.

19 См.: *Medea Benjamin, Drone Warfare: Killing by Remote Control, New York, OR Books, 2012.*

20 *Ryan Devereaux, "UN Inquiry into US Drone Strikes Prompts Cautious Optimism", The Guardian, January 24, 2013.*

21 *Georges Canguilhem, Le Normal et le Pathologique, PUF, Paris, 1966, p. 7.*

22 Simone Weil, *Réflexions sur la guerre*, Oeuvres, Gallimard, Paris, 1999, p. 455.

23 Ibid.

24 Ibid.

25 Если использовать концепт Фредерика Гро: *Frédéric Gros*, *Etats de violence. Essai sur la fin de la guerre*, Gallimard, Paris, 2006.

I. Техники и тактики

Методологии враждебного окружения

*Прогресс медицины – не единственный способ
вести войну без потерь.*

Роберт Л. Форвард. Марсианская радуга²⁶

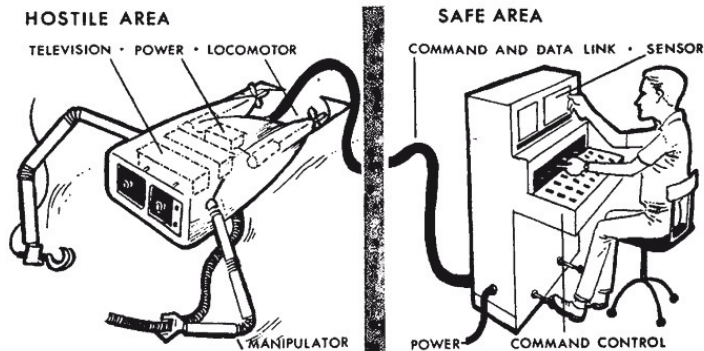
Каким образом можно безопасно проникнуть в достаточно негостеприимную среду того или иного рода: например, в пораженные радиацией зоны, морские глубины или далекие планеты? В 1964 году инженер Джон В. Кларк в общем виде описал положение дел в области «методологий враждебного окружения»²⁷: «Когда предусмотрены операции в подобной среде, мы имеем выбор между двумя возможностями: послать туда машину или защищенного человека. Но есть и третий путь... использовать передвижное устройство, которое будет действовать во враждебном окружении под дистанционным контролем оператора-человека, находящегося в безопасном окружении»²⁸. Использовать вместо скафандров и автономных машин радиоуправляемые механизмы или то, что Кларк, изобретая неуклюжий неологизм на основе

греческих корней, называл *телехирическими* машинами, работающими за счет «технологий дистанционного управления»²⁹.

Телехирический механизм, писал он, «можно рассматривать как *альтер эго* человека, который им управляет». Его сознание переносится в неуязвимый механический организм, благодаря которому он «способен манипулировать инструментами и оборудованием как если бы он держал их в собственных руках»³⁰. Единственное, что не хватает этому второму телу, это живой плоти первого. Но в этом и заключатся его главное преимущество: оно удаляет уязвимое тело из враждебного окружения.

Этот диспозитив подразумевает специфическую топографию, определенный способ мыслить и организовывать пространство, теоретическую схему которого нарисовал Кларк, используя пример батискафа.

Пространство разделено на две части: враждебную и безопасную зоны. Это образ защищенной власти, которая вторгается в сопряженную с риском экстериорность из пространства, превращенного в надежное убежище. Эта власть, которую также можно назвать *телеархической*³¹, подразумевает границу.

Топография телехирического.

Пример батискафа по Д. Кларку (1964)

Но эта граница асимметрична: она должна одновременно блокировать вторжения извне и иметь возможность раскрыться, чтобы оставить свободное поле для механических ложноножек, в задачу которых входит вторжение во враждебное пространство³².

Враждебная зона, в свою очередь, предстает покинутым гладким пространством, которое, разумеется, стоит контролировать как источник возможных угроз или же эксплуатировать как место залегания ресурсов, но не занимать в прямом смысле слова. В него вторгаются, его патрулируют, но при этом не встает вопрос о переселении, если только речь не идет о новых зонах, базах или безопасных платформах, в соответствии с той же топографической схемой.

Поборникам дистанционного управления это изобретение казалось средством облегчить работу в экстремальных условиях. Потому что в век атома и покорения космоса предвидели «возрастающую необходимость выполнения задач во враждебном окружении» и радостно возвещали о том, что «с текущими темпами технологического прогресса больше нет необходимости требовать от людей лично подвергаться физической опасности, чтобы заработать себе на жизнь... нет ни одной опасной задачи, выполняемой сегодня человеком, которая в принципе не могла бы быть выполнена машинами, управляемыми на расстоянии»³³.

Дистанционное управление, этот гуманный инструмент должен был освободить человека от любых опасных занятий. Шахтеры, пожарные, все те, кто имеет дело с атомной энергией, космосом или океаном, должны были превратиться в операторов радиоуправляемых устройств. Жертвовать презренными телами больше не требовалось. Происходило разъединение живого и операционного тела, причем лишь последнее, после его полной механизации, могло быть принесено в жертву и отныне становилось единственным телом, которое подвергалось опасности: «Больше не будет пострадавших. Любое обрушение или взрыв вызовут только одну реакцию: “Как жаль.

Мы потеряли шесть роботов”»³⁴.

В этом оптимистическом перечне достижений телехирии Кларк забыл упомянуть об одной вполне очевидной возмож-

ности. О чем ему не преминул напомнить один из его читателей: «Телехиристы напряженно рассуждают над проблемами дистанционно управляемых машин, способных выполнять задачи в мирных целях, которые раньше выполнялись людьми, работающими на жаре, в условиях повышенной радиации или в океанских глубинах. Есть ли у них какой-то список приоритетов? Не должны ли они прежде всего, по соображениям безопасности, заниматься самой опасной в мире профессией, я имею в виду военное дело?.. Почему в XX веке люди должны гибнуть от пуль и осколков, тогда как телехирический солдат мог бы прекрасно делать это вместо них?.. Все конвенциональные войны можно было бы вести в телехирическом режиме, при помощи армий боевых роботов, которые противостояли бы друг другу в битвах, ход которых управлялся бы дистанционно. Победы и поражения считались бы совершенно нейтральными компьютерами-судьями, тогда как люди спокойно оставались бы дома, наблюдая, как на экране проливается отработанное масло вместо их собственной крови»³⁵.

Это была утопия войны, превратившейся в турниры машин – битвы без солдат и конфликты без жертв. Но читатель был явно не дурак и сделал вывод о том, что, к сожалению, куда более вероятен другой сценарий: «Великие завоевания наших империй, совершенные на другом конце света, были возможны потому, что в нашем распоряжении был пулемет “Максим”, против которого у них были только дротики. Мы

вспомним о них, наблюдая за этими новыми подвигами, когда не будет литься кровь, по крайней мере, с нашей стороны, потому что у нас будут телехирические войска, тогда как эти несчастные смогут противопоставить им только напалм и горчичный газ»³⁶.

Как только радиоуправляемое устройство становится боевой машиной, именно враг начинает рассматриваться как опасный материал. Его уничтожают на расстоянии, наблюдая за его смертью на экране, находясь в уютном коконе «safe zone»³ с кондиционерами. Происходит радикализация асимметричной войны, которая становится односторонней. На ней по-прежнему умирают, но только *с одной стороны*.

* * *

26 Robert L. Forward, *Martian Rainbow*, Del Rey, New York, 1991, p. 11.

27 John W. Clark, “Remote Control in Hostile Environments”, *New Scientist* 22, no. 389 (April 1964): 300.

28 Ibid. P. 300.

29 Ibid. «Телехирический» (от *греч.* tele – «удаленный» и kheir – «рука»).

30 Ibid. P. 330.

31 Термин «телеархический» был использован Бёрнетом

³ Безопасной зоны (*англ.*).

Херши в 1944 году, с его помощью он обозначал «дистанционное и беспроводное управление механизмом»: «Телеархия – дистанционное управление при помощи радио, получило определенную рекламу перед концом войны. Как и прочие устройства, это всего лишь практическое применение новой науки электроники – дитя радио и предка телевидения. Роботы-самолеты, управляемые при помощи телеархического контроля и оснащенные телевизионными камерами, могут быть посланы к вражеским позициям и передавать динамическое изображение». Burnet Hershey, *Skyways of Tomorrow*, New York, Foreign Policy Association, 1944, p. 15–16.

32 На политико-стратегическом уровне использование вооруженных дронов приводит к тому же типу пространственного разделения между «безопасным» и «враждебным»: принцип зонирования и обеспечения безопасности. Дрон действует одновременно со стеной. Они вполне последовательно взаимодействуют в модели безопасности, которая сочетает в себе домашнее пространство и внешнее вторжение, которое не подразумевает человеческих жертв. Идеал дистанционно управляемой силы прекрасно сочетается с «государством-мыльным-пузырем».

О политической философии «стены» см.: Wendy Brown, *Walled States, Walling Sovereignty*, New York, Zone Books, 2010.

33 Clark, “Remote Control in Hostile Environments”, p. 300.

34 Marvin Minsky, “Telepresence”, *Omni*, June 1980, 199.

35 Anonymous, “Last Word on Telechirics”, *New Scientist* 22, no. 391 (May 14, 1964): 405.

36 Ibid. В конце текста аллюзия на знаменитую фразу Хилэра Беллока «Whatever happens, we have got the Maxim gun, and they have not» – «На каждый вопрос есть четкий ответ: У нас есть “Максим”, у них его нет». Hilaire Belloc, *The Modern Traveller*, London, Arnold, 1898, p. 41.

Работница Radioplane company (1944)

Генеалогия предатора

Человечество нуждалось в нем, и он тотчас же появился.

Гегель³⁷

Позирующая на этом фото 1944 года девушка с пропеллером в руках тогда еще была известна как Норма Джин Догерти.

Ее образ обессмертил фотограф, делавший репортаж для Radioplane Company, основанной в Лос-Анджелесе Реджинальдом Денни, актером немого кино, который стал авиамоделистом. Так была открыта простая работница, которая станет Мэрилин Монро. Дрон был отчасти рожден в Голливуде. И совсем неспроста под знаком лукавой звезды.

Изначально в английском языке этим термином обозначали «шмеля» – одновременно само насекомое и издаваемый им звук. И только в начале Второй мировой войны он стал приобретать иной смысл. Курсанты американских артиллерийских училищ использовали выражение «target drones», «дроны-мишени», для обозначения небольших радиоуправляемых самолетов, в которые они целились на стрельбах. Метафора не относилась исключительно к размеру этих самолетов или жужжанию их двигателя. Шмели являются самцами без жала, которых пчелы в конце концов убивают.

Классическая традиция сделала их символом неподлинного, того, чем можно пренебречь ³⁸. Потому что именно это представлял собой дрон-мишень: макет, созданный для того, чтобы быть уничтоженным.

Для того чтобы увидеть, как дроны воспарят над полем боя, придется ждать еще долго. Идея, конечно, была далеко не нова: в конце Первой мировой войны уже появились «воздушная торпеда Кёртиса-Сперри» и «жук Кеттеринга». И потом, разумеется, Фау-1 и Фау-2, которыми нацисты бомбили Лондон в 1944-м. Но эти старые летающие торпеды могут считаться скорее предками крылатых ракет, чем современных дронов. Принципиальная разница между ними состоит в следующем: первые служат всего один раз, а второй можно использовать снова ³⁹. Дрон является не боеприпасом, а механизмом, оснащенным боеприпасами.

Впервые ВВС инвестировала в программу дронов-разведчиков «Lightning Bugs» ⁴ фирмы Ryan во время войны во Вьетнаме для отслеживания советских ракет «земля-воздух» ⁴⁰. Эти «управляемые передвижные устройства, объясняло тогда американское официальное лицо, позволяют избежать гибели экипажа или его захвата в плен... благодаря им выживаемость больше не является фактором, который следует принимать в расчет» ⁴¹.

По окончании войны эти устройства были забыты ⁴². В

⁴ Жуки-светлячки (англ.).

конце семидесятых годов разработки боевых дронов в США были практически приостановлены. Но их продолжал Израиль, которому досталось несколько подобных машин, и он смог по достоинству оценить их тактические преимущества.

В 1973 году Израиль также столкнулся с проблемой ракет «земля-воздух» во время войны с Египтом. Потеряв более тридцати машин в первые часы войны Судного дня, еврейское государство сменило тактику. Было решено отправить группу дронов, чтобы обмануть противовоздушную оборону противника, «как только египтяне дали первый залп по дронам, ударные самолеты пошли в атаку, пока противник производил перезарядку»⁴³. Эта хитрость позволила Израилю захватить господство в воздухе. Подобная тактика была вновь применена в войне против Сирии в 1982 году в долине Бекаа. Вначале запустив флотилию дронов «Мастиф» и «Скаут», Израиль отправил свои самолеты, создававшие ложные цели, в направлении радаров противника, которые расстреливали свои ракеты «земля-воздух» вхолостую. Дроны, наблюдавшие за происходящим с воздуха, с легкостью обнаруживали расположение противовоздушных батарей и отправляли их координаты ударным самолетам, которые расстреливали их скопом.

«Через два дня после атаки на базу морских пехотинцев в Бейруте в октябре 1983-го американский генерал И. К. Келли предпринял совершенно секретную поездку на место происшествия. Однако по другую сторону границы офицеры

израильской разведки могли на экранах своих мониторов в деталях наблюдать кадры его прибытия и самой инспекции. Им даже удалось получить увеличенное изображение и поместить прицел на уровне его головы. Через несколько часов в Тель-Авиве израильтяне смогли продемонстрировать ошарашенному генералу небольшой фильм. Эти кадры, объяснили они, были переданы дроном “Мастиф”, который тайно патрулировал лагерь с воздуха»⁴⁴. Что стало одним из незначительных на первый взгляд событий, которые привели к перезапуску американской программы дронов в восьмидесятые годы. «Я всего лишь взял дрон для авиамоделизма, – признается отец израильских дронов Эл Эллис, – оснастил его фотоаппаратом и сделал несколько снимков... но это стало началом целой индустрии»⁴⁵.

Но тогда дроны были всего лишь устройствами, предназначенными для «разведки, наблюдения и опознания». Они были всего лишь глазами, а не оружием. Эта метаморфоза произошла практически случайно, где-то между Косово и Афганистаном в начале нового тысячелетия. Начиная с 1995 года, General Atomics разрабатывал новый тип дистанционного управляемого самолета-шпиона – Predator. Несмотря на устрашающее название, которое могло навести на определенные мысли, у этого зверя еще не было ни когтей, ни клюва. Он был использован в Косово в 1999-м для киносъемки и «подсветки» при помощи лазера различных целей, которые подвергались ударам F-16.

«Потребовалась вся внезапность “войны нового типа”, чтобы Predator действительно стал *хищником*»⁴⁶. Всего за несколько месяцев до 11 сентября 2001 года офицеры, наблюдавшие за ним в Косово, высказали идею оснастить его экспериментальной противотанковой ракетой: «16 февраля 2001 года, во время испытаний на базе ВВС в Неллис, *Predator* смог поразить цель с помощью ракеты Hellfire AGM-114C. Predator стал хищником. Но никто тогда не мог представить, что еще до конца года он станет охотиться за живыми мишенями в Афганистане»⁴⁷.

Всего через два месяца после начала боевых действий Джордж Буш смог заявить: «Война в Афганистане позволила нам понять, в чем состоит будущее нашей армии, куда лучше, чем десятилетие конференций с участием всевозможных *think tanks*.

Predator – отличный тому пример... Теперь ясно, что армия пока не располагает достаточным количеством беспилотных передвижных устройств»⁴⁸.

* * *

37 Гегель, Г. Ф. В. Лекции по философии истории / пер. с нем. А.М.Водена. СПб.: Наука, 1993. С. 412.

38 «У шмелей нет жала.

Они подобны несовершенным пчелам: это последнее по-

коление, как бы побочный продукт, который просто доживает свой век». РИпе, *Histoire naturelle*, tome IV, Paris, Desaint, 1772, p. 237.

39 Возможность вернуться на базу является основным отличием между вооруженными дронами и крылатыми ракетами: «Хотя крылатые ракеты являются ближайшими предшественниками БПЛА, они все же отличаются, поскольку предназначены для одноразового использования, тогда как дроны – для многократного... Возможность вернуться на базу после завершения миссии и приступить к ее выполнению снова – важнейшее отличие между БПЛА и крылатыми ракетами», поскольку последние «не возвращаются на базу, когда она выполнена». Richard M. Clark, “Uninhabited Combat Aerial Vehicles: Airpower by the People, for the People, but Not with the People”, thesis, School of Advanced Airpower Studies, Maxwell Airforce Base, June 1999, 4–5.

4 °См.: Steven Zaloga, *Unmanned Aerial Vehicles: Robotic Air Warfare 1917–2007*, Westminster, MD, Osprey Publishing, 2008, p. 14; Jacob Van Staaveren, *Gradual Failure: The Air War over North Vietnam 1965–1966*, Washington, DC, Air Force History and Museums Program, 2002, p. 114.

41 John L. McLucas, *Reflections of a Technocrat: Managing Defense, Air, and Space Programs During the Cold War*, Maxwell Air Force Base, Air University Press, 2006, p. 139.

Дрон рассматривался как low cost оружие по определению, в соответствии с двойной логикой экономии, которая

соответствует «ценности человеческой жизни и сумме окончательных расходов». *Astronautics and Aeronautics* 8, no. 11 [1970]: 43. Пресса, подхватив эти аргументы, рассматривала проекты вооруженных дронов как решение политических противоречий вьетнамской войны: «Интенсивные бомбардировки Северного Вьетнама с начала войны привели к потере 1600 американских военнослужащих, многие из которых считаются пленниками, удерживаемыми на территории Индокитая. Если в бомбардировщиках не будет пилотов, это устранил серьезное препятствие, стоящее перед администрацией Никсона, которая заявила о намерении поддерживать американское господство в воздухе в Юго-Восточной Азии. Robert Barkan, "The Robot Air Force Is About to Take Off", *New Scientist*, August 10, 1972, 282.

42 Как только война была окончена, от этой модели отказались в пользу традиционных боевых самолетов, хотя дроны уже были теоретически обоснованы и протестированы. Стоит также отметить израильские испытания дрона Firebee с ракетами Maverick. См.: David C. Hataway, "Germinating a New SEAD", thesis, School of Advanced Airpower Studies, Air University, Maxwell Air Force Base, June 2001, p. 15.

43 Ibid.

44 Jim Schefter, "Stealthy Robot Planes", *Popular Science*, October 1987, p. 66.

45 Ibid. P. 68

46 Bill Yenne, *Attack of the Drones: A History of Unmanned*

Aerial Combat, St. Paul, Zenith Press, 2004, p. 85.

47 Ibid.

48 “President George W. Bush Addresses the Corps of Cadets”, The Citadel, Charleston, SC, December 12, 2001, www.citadel.edu/root/pres_bush01

Дрон Predator, выпускающий ракету Hellfire

Теоретические принципы охоты на человека

Приглашаем на работу: Аналитика для программы охоты на человека в ходе спецопераций. Описание вакансии: участие в разработке инновационной учебной программы для операторов охоты на человека. Требования: диплом бакалавра по специальности. Получение доступа «секретности» и подготовка к прохождению экзамена для получения доступа «особой секретности».

Объявление о приеме на работу, размещенное военным подрядчиком SAIC в 2006 году

В 2004 году Джон Локвуд открыл интернет-сайт Live-shoot.com. Идея была одновременно простой и новаторской: заплатив несколько долларов за регистрацию, пользователь мог стать «виртуальным охотником». Благодаря камере, закрепленной на передвижном огнестрельном оружии, подключенном к пульту дистанционного управления, он мог, не выходя из дома, убивать настоящих животных, которых специально для этого держали связанными на одном техасском ранчо.

Как только об идее стало известно, мобилизация была всеобщей. Главный редактор журнала Outdoor Life, указывая на фундаментальные «этические проблемы», которые,

с его точки зрения, поднимала подобная затея, предложил прекрасное определение охоты: «Для меня это не просто спустить курок, целясь в животное. Это всеобъемлющий опыт... сам факт нахождения там, на свежем воздухе, – не просто жать на спусковой крючок, кликая мышкой»⁴⁹. Этому определению вторил депутат от Висконсина, представивший, как ни странно, точку зрения довольно специфического энвайронментализма:

«Для меня охотиться – значит быть на свежем воздухе... стать с природой единым целым»⁵⁰. Даже крайне консервативная NRA⁵, вопреки обычаю, выступила против нововведения единым фронтом с ASPCA⁶: «Мы считаем, что охота должна происходить на природе и что нахождение за компьютером в другом штате не соответствует представлениям о том, что значит охотиться»⁵¹. Один полицейский из Хьюстона оказался еще более категоричен: «Это не охота, это – убийство. Кто-то сидит перед компьютером, а затем какое-то животное погибает совершенно бессмысленно»⁵²

⁵ National Rifle Association – Национальная стрелковая ассоциация (англ.).

⁶ American Society for the Prevention of Cruelty to Animals (англ.) – Американское общество по предотвращению жестокого обращения с животными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.